

АУРИКА СОБИРАЕТСЯ В ДОРОГУ

На берегу реки сидит женщина, седые волосы ее выбились из-под платка, и ветер то и дело закрывает ими изумрудные, как спелый виноград, глаза. Кажется, что она смотрит на реку, но на самом деле её взгляд направлен куда-то дальше. У неё в руках недовязанный жилет из грубой деревенской шерсти и пара спиц. Рядом с ней, кутаясь в старую шаль, сидит девочка – её внучка.

– Я знала человека, который мог переплыть эту реку, Аурика. Знала... – медленно произносит женщина.

Аурика ничего не спрашивала, но по её молчанию старуха поняла, о чём хотела услышать внучка.

– Он обладал такой силой, что, когда другие тонули, скованные холодом реки, он всегда доплывал до другого берега. Ты знаешь, внучка, это самая холодная из всех рек, что текут по нашей земле.

Старуха помолчала, перекинула пару петель со спицы на спицу и продолжила.

– Мне было семнадцать, когда он появился в нашем селе. Не был он каким-то особенным, каким-то красавцем – нет. Но все с самого начала смотрели на него как на героя. И я тоже...

– Бабушка, а как его имя? – Аурика была молода, и ей важно было знать имена всех и всего, что ее окружает. Так она чувствовала себя в безопасности.

– Его имя Саид, – старуха назвала имя и закончила свой рассказ.

В прибрежной тишине Аурика задумалась, и получилось, что надолго. Она вспомнила, что ее деда, которого она видела всего пару раз в жизни, звали этим именем. Вспомнила, как плакала мать, когда ее муж, отец Аурики, однажды не вернулся домой к закату, а наутро в поле за фермой его нашли мертвым. И мама сквозь слезы и всхлипывания отрывисто произносила: «Саидова смерть нашла его... нашла...»

Из деревенских слухов Аурика знала, что дед был братом одной из цыганок табора, который каждую осень приезжал в село, чтобы подкрепить коней, добыть еще провизии и заработать немного денег. Часто слышала она историю знакомства деда и бабки.

– Ему тогда было девятнадцать, он увидел твою бабушку на празднике урожая. Говорят, что цыгане умоляли его не покидать табор, но Саид был самоуверен, да так, что в ночь, когда цыгане собирались уезжать, сбежал. Когда в таборе узнали, что Саид остался в селе и женился на твоей бабушке, всем запретили говорить и видеться с ним, а одна молодая цыганка, его сестра, даже сказала: «Отныне, там, где он появится, не будет счастья...» Вот так всё и было, – не раз вспоминала бабушкина подруга за вечерними посиделками эту историю.

– Бабушка, а как ушел дед?

– Проигрался в карты одному цыгану, что стояли тогда в поле за нашей улицей, тот его и зарезал...

Старуха закрыла глаза, глубоко и шумно вздохнула и уже совсем другим голосом сказала:

– Аурика, береги своего малыша.

Аурика приложила ладони к едва обозначившемуся животу, закрыла глаза и долго-долго молчала, только постепенно на лице ее появилась такая нежная вселенская улыбка, какой, наверное, Бог, сотворив Зем-

лю и её обитателей, улыбался своему творению.

* * *

В августе начались дожди. Аурика подходила к окну и подолгу глядела на реку, которая, сливаясь с дождем, превращалась в серую, холодную стену. По вечерам чувствовала Аурика неясную тревогу и, пытаясь скрыть её от домашних, подолгу сидела в комнате за вышиванием. Лес на вышиваемой ею картинке густел и наполнялся обитателями; спроси Аурику в любой момент вышивания что-то – она не ответит, потому что и сама она, должно быть, хоронилась в этом лесу.

* * *

К осени тыквы в огороде кругтели и наполнялись соком, совсем как живот Аурики, которая в сентябре стала умиротворенной, как река поздней осенью, что не сопротивляется морозам и замерзает. «Всё идёт своим чередом», – думала Аурика, заваривая чабрец и мяту в старый бабушкин чайник и подолгу чаевничая вечером на крыльце. Воздух пах прелыми травами, дымом и перезрелыми яблоками. Далеко в поле виднелись костры, и доносилась музыка – цыганский табор вновь вернулся в деревню, как это бывало каждую осень.

К утру следующего дня Аурика стала матерью. Малыш появился на свет крепким, она разглядывала его, как диковинку, и, тихонько поцеловав в правое ухо, шепнула: «Твоё имя – Саид». Малыш совсем не плакал, он внимательно разглядывал свою мать и молчал.

В доме пахло пирогами и мёдом, этот аромат всегда напоминал Аурике о том, что ско-

ро праздник урожая. С детства она помнила, как украшались в их селе улицы и дома, ставились огромные столы в поле за огородами. Как до самого восхода солнца звучали песни. Но этот праздник урожая Аурика ждала совсем по-другому. Проснувшись рано утром, она завернула малыша потеплее и, пока роса не сошла с травы, поспешила в поле, да так, чтоб её никто не заметил. Аурика знала, куда и зачем идет. И вот уже скоро показались почти потухшие огни костров, у которых дремали люди. Навстречу Аурике вышла молодая цыганка:

– Что ты ищешь здесь, девочка? – спросила она.

Аурика молчала. Потом вдруг очень уверенно заговорила:

– В вашем таборе есть самая старая цыганка. Мне нужно ей что-то передать.

* * *

Её привели к женщине, которая в силу возраста уже едва различала окружающие ее предметы, но присутствие чужого человека почувствовала сразу. Аурика протянула ей теплый сверток – маленького сына:

– Его зовут Саид, как моего деда.

Старуха аккуратно взяла одеяльце с ребенком в свои руки и сказала куда-то в сторону: «Саид вернулся домой, мама!»

* * *

Самая тихая ночь в селе – после праздника. Сельчане отпели, отплясали своё и мирно спят. Кто-то изрядно выпил, а кто-то успел подраться – без этого не обходился ни один праздник.

Местные говорят, что после той ночи никогда больше цыганский табор не появлялся в этих краях.